

И вот мы в центре Кляша, у Войковского колодца, места деревенского «вечера». Потом прошли с Нижнего конца до Верхнего, подолгу останавливаясь у домов. Каждый из них был для Мустая Карима чем-то дорог, интересен. Тогда я не подумал о том, в чем сегодня убежден совершенно: в каждом доме родного аула для писателя была спрятана сказка, забавная история, легенда и тогда же, после войны, начала рождаться книга «Долгое-долгое детство».

О чем она? Так сразу и не скажешь. Воспоминания? Пожалуй... Но чем внимательнее вчитываемся мы в эту книгу, тем яснее становится, что перед нами — не просто мемуары, а

с горя не сгибаются. Может, кто и спросит: «Неужели в вашем ауле только такие люди жили?» — так я отвечаю заранее: — Я видел только таких. Других как-то не запомнил.

Это восхищение земляками Мустай Карим пронесет через все свои книги. Нет, он не обойдет стороной и беды, горести, но непременно постарается захватить нас верой в то, что такой народ, как его земляки, из любого положения найдет выход.

Тем давним летом, с которого я начал свой рассказ, мне подумалось, что Мустай Карим обязательно напишет именно эту книгу. Тогда мы ведь знали его только как поэта. Потом на сцену театров пришли

и у каждого мы можем что-то позаимствовать для собственного нравственного совершенства. Автор не спешит поучать, не морализирует. Он только сообщает нас к жизни дорогих ему людей, ибо убежден, что «быть свидетелем счастья — тоже, оказывается, счастье!», а «убить надежду — все равно что человека убить».

Впрочем, я уже занялся цитированием. А не цитировать эту книгу нельзя, ибо она замешана на народной мудрости и писательской любви к людям... Думаю, многие строчки из нее станут пословицами и поговорками. Дайте только время, ведь «слово — тоже, как кость, разгрызть надо и жир высосать».

В СПИСКАХ авторов и произведений, выдвинутых на соискание Ленинской премии 1982 года, я с радостью увидел: Мустай Карим, «Долгое-долгое детство». Эту книгу я знаю давно, прочел трижды. Первый раз, пожалуй, тогда, когда она еще не была написана.

То было в благословенное лето, когда уцелевшие на войне мои сверстники и однополчане с гордостью показывали друзьям свои родные края: Кайсын Кулиев — Кавказ, Сергей Орлов — Вологодчину, Михаил Луконин — Сталинград... Мустай Карим, только что оправившийся от ран, чудом выскользнувший из лап смерти, которая пыталась догнать его уже после войны, повез меня в свой родной аул Кляш. Здесь-то я и услышал многое из того, что теперь зазвучало в «Долгом-долгом детстве».

А в тот день, когда мы ехали в Кляш, по голубому небу катило свою огненную колесницу солнце, у самой дороги рядом с нашей машиной бежали травы, уже начавшие тучнеть после вовремя выпавших дождей; где-то в стороне просверкнула раз и другой Дёма; в зеленой оправе лугов, как драгоценный камень, блеснуло озеро Ак-Манай. Позади остались и Девичья Гора, и, может быть, та самая Усманова поляна, где когда-то встречались герои Мустая Карима Ак-Йондоз и Маргим, чья любовь не уступает в красоте и величии известным по литературе историям.

«ЧТО С МИРА ВЗЯТО— В МИР ВЕРНЕТСЯ!»

тонкое художественное повествование. Умудренный опытом рассказчик не скрывает своего отношения к происходящему, но больше доверяет нам, читателям: мол, давайте задумаемся вместе. Казалось бы, ну что сегодня можно извлечь полезного для себя из жизни маленького села, где все на виду и каждое событие, происшедшее, скажем, на улице Трех Петухов, тотчас становится известным жителям Верхнего конца? Оказывается, многое. И главное тут не в событиях, а в тех, кто творит их, — в людях.

Послушаем автора. Вот как он рассказывает о своих односельчанах, героях книги: «Жизнь их чуть-чуть выше нашей каждодневной жизни, чуть-чуть, может быть, смешней и трагичней. Терпимее и милосерднее они друг к другу тоже немного больше обычного; обвинять, осуждать кого-то не спешат. И смерть, и счастье эти люди принимают с достоинством. От радости не скачут,

его пьесы—то веселые и грустные, то романтически приподнятые, трагедийные, населенные сильными характерами. И как-то естественно произошла своеобразная переключка героев его трагедии «В ночь лунного затмения» с Прометеем. А ровным с титаном, принесшим людям огонь, стал герой последней пьесы М. Карима «Пеший Махмут». Она только что напечатана в «Неве».

Оказалось, что и стихи, и пьесы были двумя берегами, вдоль которых спешило его вдохновение к этой книге. Так люди спешат на исповедь, на помощь другим, зная, что, раздаривая богатства собственной души, они сами становятся богаче. Трижды прав писатель: «Что с мира взято — в мир вернется».

Сохранив все, что обрел в поэзии и драматургии, Мустай Карим обращается к нам как философ. Перед читателем «Долгого-долгого детства» проходит целая вереница людей,

А выписки все растут на листке бумаги передо мной, и слова горят-переливаются всеми оттенками в этих цитатах: «От щедрой души и вода—шербет», «От гона борзая подошв не износит», «У судьбы объезда нет», «Мечта или горе человека из дома гонят, тоска домой приводит», «Пока живые — живут все люди, после смерти же остаются только хорошие».

Впрочем, всю книгу не процитируешь. А заглядывать в нее будешь всю жизнь, ибо хорошая книга — наше общее богатство. И мне радостно за давнего товарища моего, который шел к этой книге с крутого кляшевского холма, через войну, тревоги и утраты, обретения и разочарования, шел для того, чтобы позвать за собой, помочь нам увидеть: жизнь может и должна быть краше, если мы будем кузнецами своей судьбы.

Д.М. ХРЕНКОВ

ЛЕНИНГРАД

Мст. газет, 1982, 3 марта